

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Котунова Ольга Владимировна

Этическое измерение исторической памяти

5.7.4. Этика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

кандидата философских наук

Москва – 2023

Диссертация выполнена на кафедре этики философского факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Научный руководитель:

Шестакова Марина Анатольевна, кандидат философских наук, доцент

Официальные оппоненты:

Артемов Вячеслав Михайлович, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», профессор кафедры философии и социологии;

Нехамкин Валерий Аркадьевич, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», профессор кафедры СГН4 «Философия» факультета «Социальные и гуманитарные науки»;

Аникин Даниил Александрович, кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова», доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии.

Защита диссертации состоится «27» марта 2023 г. в 15:00 на заседании диссертационного совета МГУ.057.1 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4 (учебно-научный корпус «Шуваловский»), философский факультет, аудитория А-518 (Зал заседаний Ученого совета факультета).

E-mail: diss@philos.msu.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/057.2/2427/>.

Автореферат разослан «__» февраля 2023 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук

А.П. Беседин

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования

Исследования памяти как социокультурного явления представляют собой одно из наиболее актуальных и активно развивающихся направлений в области гуманитарного знания. Обращение к этой теме целого ряда дисциплин характеризует поворот, открывающий феномен прошлого в качестве общего исследовательского пространства. Проблематика памяти довольно широка и позволяет поставить нетривиальные вопросы, освещающие различные грани того, что прежде было суверенной предметной областью исторической науки, а также демонстрирует возможности для развития как традиционных локальных, так и новых гибридных дисциплин. Несмотря на то что гибридизация различных областей гуманитарного знания вокруг тематики памяти сегодня является скорее исследовательской перспективой, процесс дисциплинарной трансформации очевиден. Отвечая этой тенденции, мы собираемся показать, как проблематика исторической памяти преломляется в пространстве этики.

В нашей работе этика и историческая память связаны принципиально двусмысленным словом «измерение». Его можно понимать одновременно как действие и как свойство объекта. В первом случае имеется в виду некоторая операция, осуществляемая в пространстве памяти по принципам этики. Во втором утверждается наличие у исторической памяти этических качеств, присущих ей изначально либо атрибутированных на определенном этапе развития; или, иначе, утверждается принципиальная восприимчивость исторической памяти к категориальному аппарату этики.

Эта двойственность особо важна. В ней с самого начала заявляет о себе мерцающая игра смысла, сопровождающая и обуславливающая теоретические построения в рамках нашей работы. Там, где классическая научная оптика со свойственной ей строгостью требует универсального основания и надежного базиса первопричины, неклассические подходы с определенной долей сознательного риска приемлют в качестве исходной точки анализа множественность, если таково свойство рассматриваемого объекта.

Роль неклассических подходов представляется важной в связи с уже отмеченным обстоятельством гибридизации гуманитарных исследований. Неклассическая оптика сообщает нашим теоретическим построениям необходимую пластичность в следовании за изменчивым исследовательским объектом — исторической памятью, рассматриваемой с формальной точки зрения не только как социокультурное явление, но и как феномен, обладающий собственным нормативным содержанием и ценностным горизонтом. Именно это позволяет говорить об актуальности темы нашего исследования для современной этической мысли.

Степень разработанности темы

История становления исследований памяти (*memory studies*) насчитывает не более ста лет и берет начало главным образом в идеях французской социологической школы, оказавшей значительное влияние на гуманитарные науки в XX веке. Первоначально в рамках социального реализма был выработан концепт коллективной памяти, с помощью которого получала обоснование трансляция коллективных представлений в динамично развивающемся обществе¹. В дальнейшем оторвавшись от проблемного поля теоретической социологии, исследования памяти показали себя эффективными применительно к иным областям знания. Они внесли вклад в становление таких далеких друг от друга направлений, как *trauma studies*, *public history*, *media studies*, нашли применение в сфере исторической политики, индустрии рекламы и видеоигр. Сегодня пространство применения идей, выработанных в рамках исследований памяти, продолжает расширяться.

Исследованиям памяти не чужд процесс саморефлексии — осознания внутренних эпистемологических принципов, собственных ограничений и проблем. Это указывает на здоровое состояние научной области, а значит,

---

¹ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 2019; Хальбвакс М. Индивидуальное сознание и коллективный разум // Философия науки. 2015. № 9. С. 105–115; Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. С. 8–27.

служит страховкой для иных дисциплин, решивших обратиться к исследованиям памяти.

В нашем случае такой дисциплиной является этика. В отличие от исследований памяти, история развития этики измеряется тысячелетиями. Вопросы, связанные с моралью и нравственностью — предметом этики, относятся к категории вечных, а попытки ответов на них породили многообразие концепций. Вслед за А. А. Гусейновым трактуя этику как рефлексию над моральными основаниями человеческого существования², мы полагаем, что исследования памяти не только являются предметом её внешнего интереса, но и заявляют о необходимости открытия этического горизонта в рамках самих исследований. Естественная возможность сопряжения двух областей знания послужила отправным пунктом для нашей работы, которая озаглавлена «Этическое измерение исторической памяти».

Сегодня в глобальном масштабе принято говорить о трех исследовательских волнах в развитии исследований памяти³. Первая из них охватывает разнообразных авторов, которые в начале XX века обратились к этой проблематике почти случайно — тема памяти возникла у них как побочная ветвь собственной исследовательской линии. Это прежде всего М. Хальбвакс, А. Бергсон, Ф. Бартлетт и В. Беньямин⁴. Кроме того, можно обнаружить близкую проблематику в работах по локальной истории и истории ментальности и включить в список исследователей памяти первой волны М. Блока, Л. Февра, Й. Хейзингу⁵. На первом этапе тематика памяти вписывалась в авторские теории и обретала жизнеспособность внутри более крупных и разветвленных концепций.

---

² Этика: Энциклопедический словарь. М., 2001.

³ Сафронова Ю. А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Методологические вопросы изучения политики памяти. М., 2018. С. 11–26.

⁴ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007; Бергсон А. Материя и память. М., 1992; Бергсон А. Творческая эволюция. М., 2006; Bartlett F. C. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge, 1932; Беньямин В. Берлинская хроника. М., 2014; Беньямин В. Берлинское детство на рубеже веков. М., 2012; Беньямин В. О понятии истории // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. С. 81–90.

⁵ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986; Блок М. Коллективная память, традиция и обычай касательно недавно вышедшей в свет книги // Социальная память. Майкоп, 2015. С. 112–122; Февр Л. Бой за историю. М., 1990; Хейзинга Й. Задача истории культуры // Об исторических жизненных идеалах. М., 1992. С. 91–118.

Изыятые из таких связных систем идеи, касающиеся собственно памяти, обладали множеством противоречий по отношению друг к другу и не вызывали отдельного существенного интереса. Здесь еще нельзя говорить об обособленной предметной области и самостоятельном развитии исследований памяти, но идеи этих авторов, прежде всего М. Хальбвакса, станут предметом осмысления для последующих поколений.

Вторая волна исследований относится к последней трети XX века и связывается с именами П. Нора, Й. Йерушалми, Я. Ассмана, А. Ассман, П. Рикера, Р. Козеллека, П. Вена, Б. Андерсона, Д. Лоуэнталя, П. Хаттона и многих других авторов⁶. В это время количество работ, касающихся вопросов памяти, несоизмеримо возросло — причиной тому был целый комплекс социальных, институциональных и технических факторов. Во-первых, такое внимание исследователей второй волны является своеобразной реакцией на кризис классической системы гуманитарных наук и воплощает поиски новых путей развития. Во-вторых, интерес обусловлен социальными катаклизмами XX века, когда глобальный кризис потребовал неотложного переосмысления мироустройства.

Выводы актуализированных таким образом исследований памяти должны были служить основанием не только для миропонимания, но и для принятия политических решений. Примерно в тот же период наметился переход от индустриального общества к информационному, а вместе с тем произошло и увеличение роли технологий, связанных с производством, хранением и передачей информации, в частности информации о прошлом. Совокупность этих факторов обеспечила взрывной рост и разнообразие подходов, точек зрения и

---

⁶ Нора П. Всемирное торжество памяти // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 391–402; Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 17–50; Yerushalmi Y. H. *Zakhor: Jewish History and Jewish Memory*. Seattle, 1982; Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014; Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М., 2016; Ассман А. Забвение истории — одержимость историей. М., 2019; Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004; Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 226–241; Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М., 2003; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016; Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. СПб., 2004; Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2004.

вариантов развития проблематики памяти. Однако ситуативный вызов современности как условие формирования научной парадигмы пусть и продемонстрировал высокую производительность в практической сфере, но также сообщил неустойчивость всей конструкции знания. Общая проблема исследований памяти второй волны состояла в том, что разнообразие подходов в отсутствие последовательной методологической рефлексии создало угрозу теоретического хаоса.

Именно такие опасения обусловили третью — критическую — волну, появление которой сигнализировало о наметившейся смене парадигм: то, что в течение нескольких десятилетий обеспечивало исследованиям внутреннее чувство единства, более не воспринималось естественно. Смена исторической ситуации повлекла за собой потерю иллюзии единства институции, обнажила отсутствие общего теоретико-методологического фундамента. Если представители второй волны были заняты содержательным наполнением исследовательской области, то критика третьей волны коснулась в основном ее формальной стороны⁷. Б. Зелицер, Д. Олик, Э. Тульвинг, А. Конфино, В. Канстайнер зафиксировали внутренние структурные и методологические проблемы⁸. Эти авторы задались вопросом, что связывает многочисленные и зачастую далекие друг от друга исследования, позволяя им выделиться в отдельную дисциплину. В 2007 году Дж. Олик предложил новую методологию

---

⁷ Сафронова Ю. А. Третья волна memory studies: Двадцать три года против шерсти // Политическая наука, 2018. № 3. С. 12–27.

⁸ Olick J. Between Chaos and Diversity: Is Social Memory Studies a Field? // *International Journal of Politics, Culture and Society*. 2009. Vol. 22. Pp. 249–252; Olick J., Robbins J. Social Memory Studies: From «Collective Memory» to the Historical Sociology of Mnemonic // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. Pp. 105–140; Zeligzer B. Reading the Past Against the Grain: The Shape of Memory Studies // *Critical Studies in Mass Communication*. 1995. Vol. 12. Pp. 234–235; Tulving E. Are there 256 different kinds of memory? *The Foundations of Remembering: Essays in Honor of Henry L. Roediger, III*. N. Y., Pp. 39–52; Confino A. Collective Memory and Cultural History: Problems of Method // *The American Historical Review*. 1997. Vol. 102. № 5. Pp. 1386–1403; Kansteiner W. Generation and Memory: A Critique of the Ethical and Ideological Implications of Generational Narration // *Writing the History of Memory* / Ed. by S. Berger and B. Niven. L., 2014. Pp. 111–134; Kansteiner W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // *History and Theory*. Vol. 41. № 2. Pp. 179–197; Brown S. The Quotation marks have a certain importance: Prospects for a «memory studies» // *Memory Studies*. 2008. № 1. Pp. 261–271.

исследований памяти⁹, а журнал «Memory studies», созданный под его руководством годом позднее, стал центральной для этой области исследовательской площадкой.

Этические вопросы не являются инородными, а скорее сопричастны собственной проблематике исследований памяти. Вне зависимости от исследовательского подхода, трудно отрицать оказываемое памятью влияние как на формирование человека, так и на его поведение в течение всей жизни — темы, напрямую касающиеся сферы этического. Если обратиться к основной массе публикаций титульного для исследований памяти журнала «Memory studies», то нетрудно заметить, что они, во-первых, опираются на эмпирический анализ конкретных исторических ситуаций, а во-вторых, неизбежно поднимают остросоциальные вопросы на пересечении прошлого, настоящего и будущего. Вне зависимости от того, идет ли речь об исторических травмах гражданских войн¹⁰, о последствиях государственных преступлений¹¹ или международного терроризма¹², о трудном колониальном наследии¹³, о проблемах беженцев¹⁴ или о разных формах национальной политики в отношении прошлого на всех континентах, очевидно, что представленные темы не могут быть рассмотрены вне рамок этических категорий. Темы справедливости, ответственности, долга,

---

⁹ Olick J. K. *The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility*. N. Y., 2007; Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. № 1. С. 40–74.

¹⁰ Heenen-Wolff S., Verougstraete A., Bazan A. *The Belgo-Belgian Conflict in Individual Narratives: Psychodynamics of Trauma in the History of Belgium* // *Memory Studies*. 2012. № 5. Pp. 58–73; McAreavey N. *Building bridges? Remembering the 1641 rebellion in Northern Ireland* // *Memory Studies*. 2018. № 11. Pp. 100–114.

¹¹ Manning P. *Governing Memory: Justice, Reconciliation and Outreach at the Extraordinary Chambers in the Courts of Cambodia* // *Memory Studies*, 2012. № 5. Pp. 165–181; Klep K. *Tracing collective memory: Chilean truth commissions and memorial sites* // *Memory Studies*. 2012. № 5. Pp. 259–269; Herrmann M. *Democratizing memory and the question of Black difference in Brazil (ca. 1980–1988): The transformation of the Serra da Barriga (Alagoas), from haunted «Black territory» to national memorial in the transition between dictatorship and democracy* // *Memory Studies*. 2021. № 14. Pp. 1362–1381.

¹² Sodaro A. *Prosthetic trauma and politics in the National September 11 Memorial Museum* // *Memory Studies*. 2017. № 12. Pp. 117–129.

¹³ Gibson R. *The flood of associations* // *Memory Studies*. 2013. № 6. Pp. 245–252; Short D. *When sorry isn't good enough: Official remembrance and reconciliation in Australia* // *Memory Studies*. 2012. № 5. Pp. 293–304; Yeh H.-Y. *Telling a shared past, present, and future to invent nationality: The commemorative narrative of Chinese-ness from 1949 through 1987 in Taiwan* // *Memory Studies*. 2016. № 11. Pp. 172–190.

¹⁴ Ray A. *Post-memory and the third generation's inheritance of the Indian partition (1947): A comparative study of the linguistic register across spatial axes* // *Memory Studies*. 2021.

совести, чести, вины и прощения звучат лейтмотивом таких эмпирических исследований и формируют общее для них проблемное поле.

В своей работе мы собираемся очертить этический горизонт, общий для исследований в этой области, а потому уделим внимание не столько этическому содержанию концепций, сколько используемым в них способам формальной организации этического пространства. Этико-теоретический контекст исследований памяти составляют работы П. Рикёра, Ю. Хабермаса, М. Фуко, Т. Адорно, Х. Арндт, Г. Люббе¹⁵ — источником их размышлений служит прежде всего Вторая мировая война. В онтологическом и этическом ракурсах представлено не только абстрактное видение причин и последствий конкретной глобальной катастрофы — рассматриваются также возможности преодоления этой исторической ситуации и превентивные меры в отношении будущего. Близка, но не тождественна им линия постколониальных исследований, этическое содержание которой прослеживается в работах Э. В. Саида, Д. Чакрабарти, Л. Ганди, А. Лумбы, Р. Янга¹⁶. Авторы выступают теоретическими наследниками послевоенных исследователей и так же не только рассматривают колониализм как политическую ситуативную проблему, но и ищут ее онтологическую и этическую обусловленность, а кроме того, сближают постколониальную теорию с другими критическими и эпистемологическими проектами: с марксизмом, постструктурализмом и феминизмом.

---

¹⁵ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001; Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016; Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995; Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М., 2008; Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004; Фуко М. Археология знания. СПб., 2004; Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996; Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982–1983). М., 2021; Адорно Т. *Minima Moralia*. Размышления из поврежденной жизни. М., 2022; Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2011; Арндт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., 2008; Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996; Арндт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М., 2014; Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М., 2019.

¹⁶ Саид Э. В. Ориентализм. М., 2021; Чакрабарти Д. Провинциализируя Европу. М., 2021; Gandhi L. *Postcolonial Theory: A Critical Introduction*. N. Y., 1998; Loomba A. *Colonialism/Postcolonialism*. L., 1998. Young R. *White Mythologies: Writing History and the West*. L., 1990; Young R. *Postcolonialism: an Historical Introduction*. Oxford, 2001.

Все это находит отражение в самых разных областях этического знания: от проблем обоснования морали и традиционных споров вокруг классических моральных дихотомий¹⁷ до содержательной критики проекта этики прав человека¹⁸, переосмысления принципов этики дискурса, теоретических положений мультикультурализма и политики признания¹⁹, а также актуальных споров вокруг концепций справедливости²⁰.

В российском исследовательском пространстве эта проблематика также актуальна. Общеметодологические основания исследований можно найти в работах Ю. Лотмана и Московско-тартуской семиотической школы, а также М. Бахтина²¹. Осмыслением темы памяти в контексте конкретных исторических ситуаций сегодня занимаются Н. Эшпле, А. М. Эткинд, С. А. Еремеева²². Имеется учебное пособие «Историческая память: введение» за авторством Ю. А. Сафроновой²³. Кроме того, выпускаются многочисленные тематические сборники статей²⁴.

Этическая линия исследований представлена отдельными теоретическими разработками в области сопряжения морали и памяти, а также исторической ответственности: их можно встретить у Сырова В. Н., Беляевой Е.

---

¹⁷ Кант И. Основоположения метафизики нравов // Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. М., 1994. С. 195–213; Дюркгейм Э. Определение моральных фактов // Теоретическая социология: Антология: 1 ч.. М., 2002. С. 25–68; Рикёр П. Я-сам как другой. М., 2008; Фуко М. О генеалогии этики: обзор текущей работы // Логос. 2008. № 2. С. 135–158; Foucault M. Ethics: Subjectivity and Truth. The Essential Works of Michel Foucault 1954 - 1984. N. Y., 1997.

¹⁸ Бадью А. Этика. Очерк о сознании зла. СПб., 2006; Бенуа А. де. По ту сторону прав человека. В защиту свобод. М., 2015.

¹⁹ Бенхабиб С. Притязания культуры: Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003; Рикёр П. Путь признания. Три очерка. М., 2010.

²⁰ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995; Дворкин Р. Империя права. М., 2020; Дворкин Р. О правах всерьёз. М., 2005; Nozick R. Philosophical Explanations. Cambridge; Massachusetts, 1994; Макинтайр А. После добродетели. М., 2000.

²¹ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996; Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. М., 1986. С. 86–120; Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

²² Эшпле Н. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. М., 2022; Эткинд А. М. Кривое горе. Память о непогребенных. М., 2018; Еремеева С. А. Память: поле битвы или поле жатвы? М., 2021.

²³ Сафронова Ю. А. Историческая память: введение. СПб., 2019.

²⁴ Историческая политика в XXI веке. М., 2002; Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008; Травма-пункты: Сборник статей. М., 2009; Событие в истории, памяти и нарративах идентичности. М., 2017; Методологические вопросы изучения политики памяти. М., 2018.

В., Аникина Д. А., Авдеевой И. А., Линченко А. А., Томильцевой Д. А.²⁵ В своем исследовании мы будем также исходить из принятого в отечественной традиции понимания этического как поля индивидуально-ответственного существования, реализованного в поступках (А. А. Гусейнов, Л. В. Максимов, А. В. Прокофьев, А. В. Разин и др.)²⁶.

Несмотря на довольно большой объем текстов, посвященных различным аспектам исторической памяти, и близость к ней этической проблематики, работ, сближающих оба исследовательских горизонта, сравнительно немного. Это может объясняться затруднениями на метауровне: отсутствием единого методологического аппарата и общей терминологии, позволяющих открыть этическое измерение в области исторической памяти.

Цель исследования

Цель исследования — выявление этического измерения исторической памяти и определение концептуальных рамок, открывающих область исторической памяти для этического анализа.

Задачи исследования

1. Продемонстрировать пересечение проблемных полей этики и исследований исторической памяти, а значит, указать перспективу этического измерения исторической памяти.

---

²⁵ Сыров В. Н. К вопросу о моральной составляющей исторической культуры // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. С. 117–124; Сыров В. Н. Историческая ответственность: за пределами проблемы соотношения свободной воли и детерминизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 108–127; Беляева Е. В. Историческая ответственность и моральная ответственность // Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества. Минск, 2019. С. 103–105; Беляева Е. В. Взаимосвязь исторической и моральной идентичностей // Историческая память в постнациональном мире: мифы, ритуалы, репрезентации. Саратов, 2017. С. 25–30; Аникин Д. А. От онтологии поступка к исторической ответственности: методология философского исследования // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2020. № 3. С. 457–466; Авдеева И. А. Аксиологические парадигмы исторической ответственности // Вестник Бурятского государственного университета. 2020. № 4. С. 68–76; Линченко А. А. Мораль и историческая культура в зеркале философской рефлексии // Философия и культура. 2018. № 10. С. 63–72.

²⁶ Гусейнов А. А. Понятие морали // Этическая мысль. 2003. № 3. С. 3–14; Гусейнов А. А. Обоснование морали как проблема // Мораль и рациональность. 1995. С. 48–64; Максимов Л. В. Этика и мораль: соотношение понятий // Этическая мысль. 2003. № 3. С. 14–23; Прокофьев А. В. Справедливость и ответственность: социально-этические проблемы в философии морали. Тула, 2006; Разин А. В. От моральных абсолютов к конкретной действительности. М., 1996.

2. Раскрыть этические следствия проблемы амбивалентности исторической памяти и указать возможность её решения за счёт формирования этического измерения исторической памяти.

3. Рассмотреть возможность построения этического измерения исторической памяти на теоретическом основании этики дискурса.

4. Сформулировать основные принципы этики исторической памяти и указать перспективы экспертной оценки в этой области.

5. Продемонстрировать прикладные аспекты этики исторической памяти посредством анализа конкретных примеров.

Объект исследования

Объектом исследования выступает историческая память как социокультурный феномен.

Предмет исследования

Предметом исследования является этическое измерение исторической памяти: область, где историческая память может получить дескриптивную характеристику, анализ и оценку в терминах этики.

Научная новизна исследования заключается в следующих положениях:

1. Выявлена проблема этической амбивалентности исторической памяти и необходимость её преодоления путём построения интегральной моральной теории.

2. Обоснована возможность рассмотрения этики дискурса в качестве основания для интегральной теории этики исторической памяти. Доказано, что этика дискурса демонстрирует возможности сопряжения моральных теорий, ассоциированных с двумя исследовательскими подходами к исторической памяти.

3. Раскрыты принципы этики исторической памяти с точки зрения значимых для неё онтологической и методологической исследовательских перспектив.

4. Предложен вариант экспертной этической оценки различных явлений, опирающихся на историческую память как на механизм производства, трансляции и актуализации культурных смыслов, сформированный на основании трансцендентальной прагматики К.-О. Апеля, процессо-реляционной методологии Дж. Олика и этико-антропологических идей П. Рикёра.

Теоретическое и практическое значение диссертации

В диссертации была предложена исследовательская стратегия, открывающая историческую память для этического анализа, и соответствующий ей метод экспертной оценки в области исторической памяти. Это отражает теоретическое значение диссертации. Практическое значение диссертации состоит в разработке методологии экспертной оценки и в возможности проведения экспертизы по конкретным кейсам. На основании диссертации может быть разработан учебный курс «Этика и историческая память».

Методологическая основа исследования

Исследование основывается на обширной методологической базе. На протяжении всей работы применяются традиционные для философских исследований методы историко-философского, компаративистского и критического анализа источников. Во второй главе мы обращаемся к структуралистскому подходу для анализа проблемы этической амбивалентности исторической памяти. Возможность решения этой проблемы обосновывается в третьей и четвертой главах с помощью методологии трансцендентальной прагматики К.-О. Апеля и феноменологической герменевтики П. Рикёра. Пятая глава опирается на авторскую концепцию Дж. Олика — процессо-реляционную методологию исторической памяти и элементы дискурс-анализа.

Положения, выносимые на защиту

1. Историческая память по своим характеристикам множественна, неустойчива и внутренне противоречива, а потому допускает этическую амбивалентность. Амбивалентность находит свое отражение в социокультурном и политико-правовом исследовательских подходах, в рамках которых историческая память трактуется либо как система смысла, либо как система

действия. Эти подходы опираются на разные моральные программы и реализуют различные этические стратегии, противоречивые по отношению друг к другу, но объединенные общей целью лучшей жизни. Именно этическая амбивалентность лежит в основе мемориальных конфликтов.

2. Этическая амбивалентность может быть преодолена с помощью этики дискурса. Этика дискурса как концепция, наиболее полно и последовательно сформулированная К.-О. Апелем представляет собой двухчастную моральную теорию, а потому предоставляет возможность снятия амбивалентности между системами смысла и действия. В части А этика дискурса стимулирует формирование идеального дискурсивного сообщества с общими правилами взаимодействия между агентами. В части Б — может осуществлять оценку различных нормативных систем реально существующих дискурсов. Благодаря этому на основании этики дискурса может быть сформирована этика исторической памяти.

3. Этика исторической памяти — это ценностно-нормативная система, направленная на формирование непредопределённо-вариативного мемориального поля, открытого для осуществления индивидуально-ответственных актов в контексте уникальности бытия их акторов. Этическое измерение исторической памяти трактуется как концептуальная матрица, в рамках которой может быть зарегистрирован дискурсивный акт, который является одновременно и моральным актом. Оценка такого акта осуществляется с помощью процессо-реляционной методологии Дж. Олика, адаптированной к этическому анализу посредством этико-антропологических идей П. Рикёра.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Достоверность исследования обеспечивается опорой на широкий круг разнообразных источников, среди которых классические и современные работы в области этики и исторической памяти, а также методологический комплекс, применявшийся в ходе анализа теоретической литературы и практических кейсов.

Основные положения и выводы исследования были изложены в 4-х научных работах, опубликованных в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова.

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры этики философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Результаты исследования прошли апробацию на следующих конференциях:

1. Memory in Central and Eastern Europe: past traumas, present challenges, future horizons, Прага, Чехия, 10–12 июня 2021 г. Доклад: Reflexive dialogue instead of fall: Why monuments should become the subject of discourse ethics.

2. XXVIII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2021», МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, 12–23 апреля 2021 г. Доклад: «Дискурсы городских пространств: этика и историческая память».

3. Онлайн-симпозиумы аспирантов и молодых ученых в рамках секций «Философия. Культурология. Религиоведение» и «Связи с общественностью и теория коммуникации» Международного молодежного научного форума «Ломоносов», Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, 19–20 мая 2020 г. Доклад: «Травматическая парадигма исследований коллективной памяти».

4. Francophonie-20: Sciences, culture et société: intégration-désintégration, факультет иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, 16–21 марта 2020 г. Доклад: La mémoire collective de Pierre Nora: entre intégration et désintégration.

5. Философия в XXI веке: новые стратегии философского поиска-2019, МГУ имени М.В. Ломоносова, философский факультет, Россия, 2–6 декабря 2019 г. Доклад: «Историческая память как экспериментальный объект: к вопросу об исследовательском поле экспериментальной этики».

6. Философия в XXI веке: новые стратегии философского поиска-2019, МГУ имени М.В. Ломоносова, философский факультет, Россия, 2–6 декабря 2019 г. Доклад: «Понятие нарратива и его связь с исторической памятью».

7. Société, science et culture: perspectives et contraintes du développement, факультет иностранных языков имени М.В. Ломоносова, Россия, Россия, 28 октября — 3 ноября 2019 г. Доклад: Les perspectives de l'éthique positive de Paul Ricoeur.

Структура диссертации

Работа состоит из введения, пяти глав, заключения и библиографического списка.

II. Основное содержание диссертации

Во *Введении* представлено обоснование актуальности темы диссертационного исследования, приводится характеристика степени разработанности темы, определены объект, предмет, цели и задачи исследования. Представлена методологическая основа, сформулирована научная новизна, практическая и теоретическая значимость исследования, обозначены положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Этическая проблематика исторической памяти» посвящена анализу особенностей исторической памяти в контексте этической проблематики. Задачи главы — рассмотреть различные подходы к исследованиям исторической памяти, сформулировать рабочее определение и указать характеристики исторической памяти, значимые для этики. Глава разделена на два параграфа: «1.1. К определению исторической памяти» и «1.2. Этические следствия методологических проблем исследований памяти».

Параграф 1.1 посвящен общей характеристике исследовательского объекта. Здесь регистрируется внутренняя противоречивость термина «историческая память» и свойственное ей многообразие исследовательских подходов (М. Хальбвакс, М. Блок, Я. Ассман, П. Нора, А. Ассман). Ставится вопрос о возможности нахождения общей теоретической рамки, которая была бы в состоянии объяснить внутреннюю противоречивость феномена исторической памяти. Формулируется рабочее определение исторической памяти: историческая память — это форма производства, трансляции и актуализации культурных смыслов, обеспечивающая их функционирование в пространстве исторически определённой культуры, то есть культуры, опирающейся на своё прошлое.

Параграф 1.2 посвящен методологическим проблемам исследования исторической памяти и этическим следствиям, которые они формируют. На основании представленного выше определения обсуждается возможность рассмотрения исторической памяти в рамках семиотического подхода, отвечающего методологической парадигме трансцендентальной прагматики К.-

О. Апеля. Ставится проблема онтологического статуса прошлого как объекта исследований памяти. Двойное решение этой проблемы приводит к амбивалентности внутри системы исторической памяти, которая допускает как гетерогенную, так и гомогенную трактовку. Мы находим проявление этой дилеммы в дихотомии социокультурного (Э. Хобсбаум, Б. Андерсон и др.) и политико-правового подходов (Т. Адорно, Ю. Хабермас и др.).

В *Главе 2 «Этическая амбивалентность исторической памяти»* получает развернутую аргументацию выдвинутая ранее гипотеза амбивалентности. Задачи главы — классифицировать историческую память и рассмотреть свойственную ей проблему амбивалентности, а также продемонстрировать этические следствия этой проблемы. Глава разделена на три параграфа: «2.1. Система смысла: социокультурный подход и социология морали», «2.2. Система действия: политико-правовой подход и этика прав человека» и «2.3. Амбивалентность систем и стратегия её преодоления».

В параграфе 2.1 историческая память и связанная с ней регуляторная система раскрываются как системы смысла. Социокультурный подход является материнским для исследований памяти в целом и развивается в традиции социологического реализма Дюркгейма. Память здесь трактуется онтологически: она обладает статусом социального факта, получает эссенциальные характеристики, наделяется системообразующими свойствами и обладает универсальным описательным потенциалом. Социокультурному подходу наиболее близка концепция социологии морали, базирующаяся на принципах индуктивного трансцендентализма и универсализма. Анализ концепции показывает, что реорганизация виртуальной модели кантовской морали, попытка вернуть её основание в реальный мир и приписать обществу приводит к негативным последствиям.

В параграфе 2.2 историческая память и связанная с ней регуляторная система раскрываются как системы действия. Политико-правовой подход осваивает исследовательское пространство памяти с определенными практическими целями, а потому память здесь выступает либо в качестве

инструмента, либо в качестве объекта политической деятельности. Ей соответствует этика прав человека. Она базируется на нескольких ценностях, которые возводятся в абсолют и служат минимальной нормой. Сквозь призму минимальных норм рассматриваются конкретные акты и принимаются решения, на их основании создаются предписывающие некие принципы поведения кодексы. Потому мы относим этику прав человека к практико-ориентированным этическим концепциям. Анализ концепции показывает, что в данном случае ценностная этика трансформируется в нормативную посредством универсализации своих утверждений, но, не являясь таковой изначально, утрачивает свои сильные стороны.

Параграф 2.3 посвящен анализу антиномии между социокультурным и политико-правовым подходами. Оба подхода апеллируют лишь к одному из аспектов исторической памяти, рассматривая последнюю либо как систему смысла, либо как систему действия, а потому не могут быть признаны релевантными объекту исследования в целом. Однако предложенная Р. Бартом гипотеза об амбивалентности как ключевой характеристике семиотических систем добавляет исследованию социально-критический ракурс, обращаясь к проблеме идеологии. Избежать идеологического воздействия и амбивалентности двух этических стратегий должна помочь самосозидательная деятельность — индивидуальный моральный акт, обращенный как к системе смысла, так и к системе действия. Чтобы рассмотреть возможность такого акта в рамках исторической памяти, мы предположили наличие интегрального этического пространства, построенного по принципам этики дискурса.

Глава 3 «От этики дискурса к этике исторической памяти» посвящена анализу принципов этики дискурса и трансформации этой теоретической системы относительно нашего исследовательского объекта — исторической памяти. Задачи главы — проанализировать систему этики дискурса в контексте особенностей системы исторической памяти, рассмотреть возможности построения этики исторической памяти на основании этики дискурса. Глава разделена на три параграфа: «3.1. Основные принципы и структура этики

дискурса», «3.2. Часть А этики дискурса и социология морали: система смысла» и «3.3. Часть Б этики дискурса и этика прав человека: система действия».

Параграф 3.1 посвящен анализу системы этики дискурса, её строению и основным принципам функционирования. Этика дискурса рассматривается здесь в четырех аспектах: деонтологическом, универсалистском, процедурном и когнитивистском. Заключается, что этика дискурса представляет собой трансформированный кантовский трансцендентализм, органично дополненный теорией речевых актов. Этика дискурса предполагает двухчастную структуру. В части А задаются условия и приводятся характеристики идеального дискурсивного сообщества, разрабатываются нормативные правила для его регуляции. Часть Б, напротив, ориентирована на реальные дискурсивные сообщества, для которых идеальное дискурсивное сообщество с его сводом правил является лишь абстрактным ориентиром. Делается предположение о том, что этика дискурса на разных уровнях может быть согласована как с принципами социологии морали, так и с принципами этики прав человека. Иными словами, этика дискурса в такой трактовке оказывается интегральной системой, с одной стороны, допускающей производство смысла, а с другой — позволяющей преобразовательные действия.

В параграфе 3.2 сравниваются позиции этики дискурса и социологии морали и их роль в формировании системы смысла. Представлен компаративистский анализ двух вариантов трансцендентализма. Обсуждается роль общего для концепций кантианского наследия и различия в его трансформациях. Онтология и эпистемология Э. Дюркгейма сравнивается с трансцендентальной программой обоснования этики дискурса К.-О. Апеля, представленного в части А. Стратегии аргументации этих позиций оказываются довольно близки, несмотря на содержательные расхождения, что и создает возможность для интеграции.

В параграфе 3.3 сравниваются позиции этики дискурса и этики прав человека и их роль в формировании системы действия. На примере концептуальных построений Ю. Хабермаса и С. Бенхабиб демонстрируются

возможности прямого сопряжения этики дискурса и этики прав человека. Представлена также критика этих построений с точки зрения программных положений трансцендентальной прагматики К.-О. Апеля. В качестве одной из альтернатив рассматривается концепция Ш. Муфф.

Глава 4 «Принципы этики исторической памяти в свете трансцендентальной прагматики» посвящена нахождению собственных принципов этики исторической памяти, согласующихся с принципами трансцендентальной прагматики — более широкой исследовательской парадигмы, материнской в том числе и для этики дискурса. Задачи главы — указать принципы этики исторической памяти с точки зрения значимых для неё онтологической и методологической исследовательских перспектив, а также рассмотреть действие этих принципов в рамках процессо-реляционной методологии. Глава разделена на три параграфа: «4.1. Онтологический ракурс этики исторической памяти», «4.2. Методологический ракурс этики исторической памяти» и «4.3. К процессо-реляционной методологии этической оценки исторической памяти».

Параграф 4.1 посвящен онтологическим аспектам исторической памяти, которые оказывают непосредственное влияние на построение этической системы. Проект трансцендентальной прагматики К.-О. Апеля предполагает особую онтологическую парадигму современности, центральное место в которой отведено понятию дискурса. Анализ нескольких подходов к определению дискурса позволяет сделать вывод, что расхождения в характеристиках этого понятия оказывают существенное влияние на последующее построение моральной теории. В свете постструктуралистского понимания дискурса и эпистемологической программы Фуко, а также его идеи исторического *a priori*, предполагается, что этика исторической памяти представляет собой особый посткантианский проект. Лишившись автономии универсального основания, такая этика оказывается этикой процессов и переходов.

Параграф 4.2 посвящен методологическим аспектам этики исторической памяти, которые особенно важны при проведении этического анализа. В центре внимания оказывается процессо-реляционная методология исторической памяти Дж. Олика, оперирующая связкой объяснительных концептов (поле, средство передачи, жанр, профиль). Демонстрируется, как, в соответствии с указанными ранее онтологическими аспектами, процессо-реляционная методология позволяет рассматривать историческую память системно, однако не в виде состоявшегося факта, а в процессе перманентного становления со свойственной ему изменчивой объективностью и обновляющимся истинностным статусом.

В параграфе 4.3 представлены пролегомены к методологической программе этической экспертизы исторической памяти. На наш взгляд, процессо-реляционная методология Дж. Олика и используемая в ней концептуальная сеть (поле, средство передачи, жанр, профиль) могут получить этическое толкование и служить парадигмальными категориями в этике исторической памяти. Если этика дискурса в основе этики исторической памяти обеспечивает условия для таких построений, то этико-антропологические идеи П. Рикёра помогают специализировать метод, приблизив его непосредственно к предмету исследования. Так, диалектика расколотого *cogito* как фундаментальная характеристика существования человека в дискурсивном пространстве вторит семиотической логике культуры в целом и исторической памяти в частности. Проведённый анализ позволил нам сформулировать следующее определение: этика исторической памяти — это ценностно-нормативная система, направленная на формирование непредопределённо-вариативного мемориального поля, открытого для осуществления индивидуально-ответственных актов в контексте уникальности бытия их акторов.

Глава 5 «Возможности этической экспертизы исторической памяти» призвана продемонстрировать практическую значимость теоретических построений, производимых на протяжении четырех предыдущих глав. Задача главы — применить процессо-реляционный метод этической оценки

исторической памяти к некоторым дискурсивным практикам, осуществленным в рамках урегулирования различных мемориальных конфликтов, и с его помощью продемонстрировать, каким образом индивидуальный дискурсивный акт способен стать и индивидуальным моральным актом. Глава разделена на три параграфа: «Кейс С. Баттьяни: семейная память», «Кейс Ф.-В. Штайнмайера: официальная память» и «5.3. Кейс К. Люгера: контрпамять».

В параграфе 5.1 мемориальный конфликт демонстрируется на примере семейной памяти — его иллюстрирует документальное расследование, изложенное в литературном репортаже С. Баттьяни «И при чем здесь я?». Рассмотренный в качестве дискурсивного акта, репортаж тяготеет к демократическим отметкам на всех «измерительных шкалах»: автор отказывается от притязаний на истину в ценностных вопросах, его собственная позиция является принципиально открытой, а значит, не содержит в себе скрытых ценностных конфликтов и не нарушает принцип перформативного противоречия. Предпринятое С. Баттьяни расследование принадлежит системе действия: посредством его он возвращает семейной памяти утраченную полноту смыслов, разрешающую разнообразные стратегии памятования, но, что ещё важнее, — допускающую возможность терапевтического забвения и возвращения к подлинной реальности и собственной жизни.

В параграфе 5.2 мемориальный конфликт рассматривается на примере официальной памяти, проявлением которой служит мемориальная речь президента ФРГ Ф.-В. Штайнмайера. В отличие от предыдущего, этот пример не является индивидуальным творческим актом воспоминания, но очерчивает мемориальное пространство в локальном (национальном) и глобальном (общемировом) масштабе. Такое пространство по своей сути является системой, нацеленной на производство единого смысла: «Никогда больше», а сам лозунг представляет собой перформативное высказывание и подразумевает перманентное преобразование действительности, без которого становится бессмысленным. Значит, Ф.-В. Штайнмайер призывает национальное и мировое сообщества к поступкам, утверждающим этот смысл. Такие поступки

содержательно неопределенны, в речи не приводятся конкретных примеров надлежащего памятования, однако существенным оказывается запрет на перформативное противоречие, который позволяет ясно отделять допустимые стратегии утверждения смысла от недопустимых.

Наконец, в параграфе 5.3 рассматривается мемориальный конфликт на примере контрпамяти. Примером служит общественная дискуссия вокруг судьбы памятника венскому бургомистру Карлу Люгеру, с точки зрения современности скомпрометировавшему себя популистской и антисемитской риторикой. Мемориальный конфликт возникает в моменте, когда очередное поколение отказывается далее осуществлять парадигмальный дискурсивный акт, воплощенный в памятнике, поскольку не согласно с транслируемым сообщением. Консенсуальное решение касательно трансформации памятника, выработанное в результате общественной дискуссии, представляет собой иной дискурсивный акт — реальное преобразование действительности. Теперь фигура Люгера призвана служить примером рассеяния смысла во времени, его неоднородности и амбивалентности. Один акт индивидуации по снятию фиксированного смысла должен подтолкнуть к ансамблю множества других актов индивидуации по формированию иных допустимых смыслов в поле индивидуальной ответственности.

В *Заключении* еще раз артикулируются основные теоретические линии работы, проблемы и предлагаемые способы их разрешения. Подводятся итоги и дается оценка их соответствия целям и задачам исследования.

III. Список работ, опубликованных по теме диссертации

Публикации в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова

А) Публикации в изданиях, включенных в ведущие международные базы данных (Web of Science, Scopus, RSCI):

1. Котунова О.В. Культура отмены: этический анализ // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2022. № 2. С. 92–107 (RSCI, пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,329).
2. Котунова О.В. Историческая память и этика дискурса: перспектива взаимодействия // Философия и общество. 2021. № 1. С. 93–113 (RSCI; пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,402).
3. Котунова О.В. Процессо-реляционная методология Дж. Олика: онтологический и этический аспекты исследований коллективной памяти // Философия и общество. 2021. № 4. С. 111–127 (RSCI; пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,402).

Б) Публикации в изданиях, включенных в список МГУ имени М.В. Ломоносова по философским наукам на основании решения Ученого совета МГУ имени М.В. Ломоносова:

4. Шестакова М.А., Котунова О.В. Формирование исторической памяти этико-дискурсивными средствами // Ценности и смыслы²⁷. 2021. № 6. С. 21–33 (пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,607).

Прочие публикации по теме исследования:

5. Котунова О. В. Этика исторической памяти у Поля Рикёра // Проблемы этики: философско-этический альманах. 2020. № 9. С. 113–116.
6. Котунова О. В. Этическая экспликация концепции исторической памяти П. Нора // Восьмой Российский Философский Конгресс «Философия в полицентричном мире». 2020. Т. 3. С. 807–810.

---

²⁷ Авторский вклад соискателя в данной работе составляет не менее 50% общего объема текста.